

В.Н. Свистунов

О МЕТАФИЗИЧНОСТИ САМОПОЗНАНИЯ

Томский государственный университет

Желание преодолеть ограничительные рамки своего смертного «я» было сильным всегда. В период своеобразного «аутизма» классической эпохи преодоление «самости» искали на путях самоуглубления, аскезы, отрешение от мира - во внутреннем контакте с разумом, с природой, с Богом и т. д. Затем наступила эпоха, в которую европейское мышление, искусство, жизненная практика были захвачены маниакальным стремлением преодолеть замкнутость, эгоизм, выйти к универсальному, т. е. достичь аутентичной коммуникации с Другим. К. Ясперс узаконил это стремление, положив стремление к трансцендентированию в основание существования человека.

Эпоха постмодерна характеризуется тотальным разочарованием в жизненной значимости как внутренних откровений, так и в универсальности выхода за свои собственные пределы. После искусства мистическим одиночеством и соблазном теоретическим мышлением (метафизикой) пришло желание «слиться с коллективом». Оно отвоевывает в культуре пространство, в котором образуются массовые движения, массовое сознание, массовая культура. Это - желание раствориться в мире. Великий призыв «познай самого себя» не вызывает более энтузиазма. Максимально проявляется утрата способности и воли к диалогической речи. Любой проект самосознания становится ироническим предприятием.

Друг против друга встали два мира, «абсолютно не сообщающиеся и не проницаемые друг для друга: мир культуры и мир жизни» [2, с. 82]. Мир жизни - это форма расположенности Его до всякой социо-культурной определенности, которая никогда не подлежит изменению конкретным индивиду и для конкретного индивида. Эта форма укоренения в жизни находится в бесконечном воссоединении со становлением вещей, и в этом становлении индивид должен «растворить в качестве «я» свое несоответствие своей собственной реальности» [2, с. 82].

Мир культуры - мир социальной определенности, где только язык придает «Я» функцию субъекта. Такова онтологическая ситуация сознания

в междумирии. «Акт нашей деятельности, нашего переживания, как двуликий Янус, глядит в разные стороны: в объективное единство культурной области и в неповторимую единственность переживаемой жизни, но нет единого и единственного плана, где оба мира взаимно себя определяли бы по отношению к одному - единственному единству. Этим единственным единством и может быть только единственное событие совершаемого бытия...» [2, с. 82].

Познание самого себя в этом онтологическом разрыве двух миров сопоставимо с пониманием реальности мира. Самопознание сопоставимо с предельными вопрошаниями метафизики, поисками первоначала, истины, смысла сущего. Самопознание - это исследование об исследовании мира. Но вопрос об истине, смысле, первоначале опирается на допущение наличия этих первоначал, смысла, истины. Классическая метафизика служит прояснением того, что можно вытащить под свет «естественного разума» как скрытое основание. Но самопознание - вопрошание о вопрошании - показывает существование такого основания только лишь в виде предрассудка метафизики. Протооснование не существует в виде фундамента, первоначала, есть лишь бесконечное самовозвращение (самоизвращение) отсылок. Следовательно, метафизика не может проявить первоначало, смысл, цель и т. д. Способность метафизики декларировать утаенное сильно преувеличена. Наибольшее, что может метафизика - проявить утаенность внутри утаенности, чем и обрекает себя на бесконечный процесс полагания границ и их же преодоления. Бесконечное преодоление предела показывает и предел метафизики, которая и существует лишь в постоянном возвращении к причинам сущего. Положение «мир целиком ноуменален» равнозначно положению «мир полностью феноменален», ибо внутри ноумена, который метафизика пытается проявить, заключена бесконечность ноуменов, делающая бесполезной путь к истокам Бытия. Собственно говоря, никаких истоков и не существует, а есть лишь бесконечные наслоения, скрывающие неуловимое «первое». Начало, исток оказывается

«здесь-теперь», а не где-то раньше и в глубине. Начала лежат на поверхности. Поверхность оборачивается бездной. И тогда напрасно обвинение метафизики в извращении истоков, ибо сами эти утаенные истоки уже внутри себя не обладают никакой гарантированной абсолютной достоверностью. Первоначала обнаруживаются лишь как проявление отсутствия самих первоначал.

Уже Аристотелем выявлена противоречивая множественность понятия первоначала: «... о причинах говорится в четырех значениях: одной такой причиной мы считаем сущность или суть бытия вещи (ведь каждое «почему» сводится в конечном счете к определению вещи, а первое «почему» и есть причина и начало); другой причиной мы считаем материю, или субстрат; третьей - то, откуда начало движения; четвертой - причину, противоположащую последней, а именно «то, ради чего», или благо (ибо благо есть цель всякого возникновения движения)» [1, с. 70]. Таким образом, причиной, первоначалом оказывается то, что есть конец (цель); то, что бытийствует (материя), и то, что суть этого бытийствующего (сущность).

Пространство между концом и началом сжато в точку. И начало, и конец, и то, что посередине, мгновенно «здесь-и-теперь». Тайное светит на поверхности. Основа сама себя упраздняет. Метафизика оборачивается высшей степенью скепсиса, а любое познание внешнего оборачивается в самопознание. Здесь как бы ситуация двух зеркал, бесконечно отражающих друг друга. И кто кого отобра-

жает, кто является «перво-отражением», определить невозможно: оба оказываются в отражении другого отражением себя, и так до бесконечности. Нет критерия, чтобы зафиксироваться, прервать цепь отражений и сказать: «Зеркало А первично по отношению к зеркалу В, именно оно отражается в «первый раз» в зеркале В». Волевым ментальным усилием невозможно прекратить бесконечность отражений. Но именно этим усилием удерживается мир культуры.

«Целью всякой жизни является смерть» [3, с. 405]. «Рассматриваемые в этом свете влечения к самосохранению, к власти, к самоутверждению... являются частными влечениями, предназначенные к тому, чтобы обеспечить организму собственный путь к смерти» [3, с. 406]. Т. е. цель земного существования, которая разворачивает выражение вовне себя самого, представляет собой затянувшееся исчезновение самого этого выражения. Целью самопознания является умирание. Все другие интенции, приписываемые самопознающему индивиду, представляют частности, обеспечивающие ему «собственный путь к смерти».

Самопознающий выбирает смерть. Если выбираешь индивидуальность (оригинальность), то выбираешь смерть. Само-познание всегда и везде пишет собственную эпитафию, в надежде на воскресение. Человек, следующий по пути самопознания, уподобляется тому изображению между двумя параллельными зеркалами, о котором никогда нельзя сказать, существует ли оно вообще.

Литература

1. Аристотель. Метафизика // Аристотель. Соч. В 4 т. Т. 1. М., 1976.
2. Бахтин М.М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники. М.: Наука, 1986.
3. Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия // Фрейд З. Психология бессознательного. М., 1990.